

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-3

Исследовательская статья

Благорожева Ж. О.¹
Шаповалова И. С.²

Матримониальные стратегии в системе жизненного
планирования молодежи

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия

¹blagorozheva@bsuedu.ru

²shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Исследование матримониальных стратегий современной молодежи приобретает особую значимость в условиях дестандартизации жизненных путей, трансформации института семьи и обострения демографических вызовов. Актуальность статьи обусловлена необходимостью преодоления дисбаланса между изучением макродемографических процессов и микроуровневых жизненных планов, а также потребностью в выявлении связи между приватными семейными установками и публичными стратегиями в контексте регионального развития. Понимание ценностных диспозиций молодежи как системообразующего фактора жизненного планирования является ключевым для разработки адресной социальной и молодежной политики. *Методы:* в основе исследования лежит количественный анализ данных мониторинга «Социальные стратегии региональной молодежи» 2024 года (n=5881, Белгородская область). Основным методом является типологический анализ. На основе матримониальных установок (отношение к браку, деторождению, семейным ролям) были выделены и эмпирически валидизированы четыре типа молодежи по отношению к матримониальным диспозициям: традиционный (54,5%, ориентация на институциональный брак и детоцентризм), либеральный (33,6%, рефлексивное и факультативное отношение к семейным сценариям), эгоцентричный (8,1%, приоритет самореализации над семьей) и неформальный (3,8%, отрицание традиционного института семьи). Данная типология стала аналитическим инструментом для сравнительного исследования жизненных стратегий в экономической, карьерной, политической, общественной, миграционной, духовно-нравственной, самосохранительной сферах и сфере самореализации. *Научные результаты.* Установлено, что матримониальная диспозиция выступает фундаментальным социокультурным фильтром, опосредующим конфигурацию жизненных планов во всех ключевых доменах. Выявлены принципиально разные модели адаптации: солидарная укорененность (традиционный тип), рефлексивный прагматизм (либеральный), гипериндивидуализм (эгоцентричный) и альтернативная социальность/асоциальность (неформальный тип). Наибольшая комплексность и социальная эффективность

продемонстрированы стратегиями традиционного типа. Этот тип характеризуется максимальным демографическим потенциалом (императив брака и рождения детей), низкой миграционной мобильностью, что обеспечивает закрепление человеческого капитала в регионе, выраженными самосохранительными практиками и ориентацией на межпоколенческую солидарность. *Выводы:* матримониальная диспозиция является надежным предиктором не только приватных, но и публичных жизненных траекторий молодежи. Стратегии традиционного типа, доминирующие в региональном сообществе, обладают наибольшей конгруэнтностью стратегическим задачам национального и регионального развития в сферах демографического воспроизводства, территориальной устойчивости, сохранения социального капитала и здоровья нации. Полученные данные указывают на необходимость перехода от унифицированной к дифференцированной молодежной и семейной политике, которая, признавая ценностный плюрализм, будет рассматривать поддержку традиционной семьи в ее современной модернизированной версии как ключевой приоритет для обеспечения долгосрочной социально-демографической устойчивости.

Ключевые слова: молодежь; матримониальные стратегии; матримониальные диспозиции; жизненные планы; жизненные стратегии

Информация для цитирования: Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Матримониальные стратегии в системе жизненного планирования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 1. С. 45-76. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-3.

Research article

Jeanne O. Blagorozheva¹
Inna S. Shapovalova²

Matrimonial strategies in the life planning system of youth

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia

¹blagorozheva@bsuedu.ru

²shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. In the context of destandardised life paths, the transformation of the family institution, and the intensification of demographic challenges, the study of matrimonial strategies among today's youth is particularly important. The relevance of this article stems from the need to overcome the imbalance between the study of macrodemographic processes and micro-level life plans, as well as the need to identify the connection between private family attitudes and public strategies in the context of regional development. Understanding the value dispositions of young people as a system-forming factor in life planning is key to the development of targeted social and youth policies. *Methods:* The study is based on a quantitative analysis of data from the 2024 monitoring survey "Social Strategies of Regional Youth" (n=5,881, Belgorod region). The primary method is typological analysis. Based on matrimonial attitudes (attitudes toward marriage, childbearing, and family roles), four types of youth were identified and empirically validated: traditional (54.5%, focused on institutional marriage and child-centeredness), liberal (33.6%, reflective and optional attitudes toward family scenarios), egocentric (8.1%, prioritizing self-realization over family), and informal (3.8%, rejecting the traditional

institution of family). This typology has become an analytical tool for comparative research of life strategies in the economic, career, political, social, migration, spiritual and moral, self-preservation, and self-realization spheres. *Scientific results:* It was established that matrimonial disposition acts as a fundamental sociocultural filter mediating the configuration of life plans in all key domains. Fundamentally different adaptation models were identified: solidary rootedness (traditional type), reflexive pragmatism (liberal), hyperindividualism (egocentric), and alternative sociality/asociality (informal type). The greatest complexity and social effectiveness were demonstrated by strategies of the traditional type. This type is characterized by maximum demographic potential (the imperative of marriage and childbearing), low migration mobility, which ensures the consolidation of human capital in the region, pronounced self-preservation practices, and a focus on intergenerational solidarity. *Conclusions:* matrimonial disposition is a reliable predictor of not only private but also public life trajectories of young people. Traditional strategies, dominant in the regional community, are most congruent with the strategic objectives of national and regional development in the areas of demographic reproduction, territorial sustainability, the preservation of social capital, and the health of the nation. The data obtained indicate the need for a transition from a unified to a differentiated youth and family policy, which, while recognizing value pluralism, will consider support for the traditional family in its modern, modernized version as a key priority for ensuring long-term socio-demographic sustainability.

Keywords: youth; matrimonial strategies; matrimonial dispositions; life plans; life strategies

Information for citation: Blagorozheva, J. O., Shapovalova, I. S. (2026), "Matrimonial strategies in the life planning system of youth", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (1), 45-76. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-3.

Введение (Introduction).

Актуальность научной рефлексии матримониальных стратегий в контексте жизненного планирования региональной молодежи детерминирована комплексом взаимопересекающихся социально-экономических, социокультурных и демографических трендов, обретающих в условиях современной России выраженную пространственно-стратификационную специфику. Во-первых, в условиях перманентной социальной трансформации и роста неопределенности жизненных траекторий институт брака претерпевает фундаментальную перестройку. На смену нормативным, ригидным сценариям приходят индивидуализированные, рефлексивные матримониальные проекты, становящиеся ключевым элементом конструирования персональной биографии. Изучение данных проектов в

когорте молодежи позволяет выявить нарождающиеся модели семейности и ценностные сдвиги, определяющие долгосрочную демографическую динамику и репродуктивный потенциал общества. Во-вторых, в научном дискурсе сохраняется дисбаланс: при обширной изученности либо макро-демографических процессов, либо частных аспектов семейных отношений, недостаточно работ, комплексно связывающих матримониальные стратегии с более широкой системой жизненных планов (образовательных, профессиональных, миграционных, общественных) на микроуровне. Заполнение данной лакуны представляет значительный теоретический интерес для социологии семьи и социологии молодежи.

Проблемное поле исследования конституируется вокруг противоречия между возрастающей нормативной

сложностью и рефлексивностью жизненного (включая матримониальное) планирования в сознании современной молодежи и структурными (экономическими, инфраструктурными, нормативными) ограничениями, объективно сужающими спектр доступных стратегических альтернатив и потенциал их реализации. Теоретико-методологический аспект проблемы связан с концептуализацией «матримониальной стратегии» в условиях дестандартизации жизненных путей. Требуется операционализация данного понятия как динамической системы ориентиров, предпочтений и практик, находящейся в сложной связи с другими доменами планирования (карьера, самореализация, самосохранение, миграция и т.д.). Таким образом, центральной исследовательской проблемой является раскрытие механизмов формирования и реализации матримониальных стратегий региональной молодежи как результата сложного взаимодействия структурной обусловленности в процессе долгосрочного жизненного планирования. Решение данной проблемы позволит не только углубить теоретические представления о трансформации частной жизни в современном обществе, но и сформулировать адресные рекомендации для социальной и молодежной политики на региональном уровне.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). Тема изучения матримониальных стратегий молодежи, под которыми мы понимаем формируемый у молодежи и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями, широко представлена в пространстве научного дискурса и исследовательской повестки.

Как правило, научные публикации посвящены ценностным диспозициям,

установкам и мотивам матримониального поведения молодежи: методологическую основу для национальной идеи представляют исследования по изучению семейных ценностей молодежи (Вержибок, 2018) и брачно-семейных установок (Ростовская, Шабунова, Калачикова, 2023; Семенцова, 2022).

Важным в контексте демографического прогноза, являются исследования и анализ репродуктивных установок молодежи, которые мы находим в работах Т. К. Ростовской (Ростовская, Князькова, 2021), Л. А. Поповой (Попова, 2022), коллектива Ю. Р. Вишневого (Вишневский, Дидковская, Зырянова, 2024).

Матримониальные стратегии оказывают влияние на все жизненные сферы (и в целом на социальное здоровье) и одновременно могут трансформироваться под влиянием жизненных планов (например, в сфере образования, относительно миграционных стратегий). Такие связи также отражены в научном дискурсе (Сигарева, Сивоплясова, Муртузалиева, 2018; Поленова, Лазуренко, Подпоринова, Королева, 2023).

Особенно значимыми, по-нашему мнению, является системное изучение матримониальных стратегий групп молодежи, относящихся к группам социальной уязвимости, имеющих повышенные риски, связанные с экономическими возможностями, трудностями адаптации к новым ролям и параллельными интенсивными процессами обучения, профессионализации, решения трудной ситуации (болезнь, инвалидность и т.д.) – с этой позиции представлен анализ стратегий благополучия студенческих семей в работах авторского коллектива под руководством Т. К. Ростовской, где проблемы студенческих семей рассмотрены с точки зрения влияния сложной конфигурации внутренних и внешних факторов, создающих потенциалы и риски приобретения такими семьями показателей благополучия (Ростовская, Васильева, 2023). Ученые и в

других работах поднимают проблему благополучия молодых семей как результата успешных (эффективных) матримониальных стратегий (Ростовская, Безвербная, 2022).

С позиции региона, специфики региональной ситуации, задач региональной политики, интересны работы, показывающие статику и динамику показателей матримониальных стратегий молодежи – анализ проблемных компонентов может быть использован в последствии органами управления на разных уровнях (Благорожева, 2022).

Наличие широкого научного дискурса не снижает важности задачи мониторинга показателей элементов матримониальных стратегий для региональной политики, фиксации рисков и потенциалов в вопросе достижения показателей регионального развития в свете национальных идей и проектов. И в этой связи актуальным представляется связь тех или иных аспектов матримониальных стратегий с другими

жизненными выборами молодежи, создание полного социального портрета типов молодежи, разделенных по матримониальным диспозициям.

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты волны мониторинга, проведенной в ноябре 2023 года. Респондентами онлайн опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (Таблица 1).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Table 1

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
14-15	992	16,9
16-17	1137	19,3
18-21	2418	41,1
22-25	621	10,6
26-30	363	6,2
31-35	350	6,0
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	2377	40,4
женский / female	3504	59,6
Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	2643	44,9
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1472	25,0
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1766	30,0

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	2374	40,4
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	2350	40,0
Работают / Working	1127	19,2
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	30	0,5
Итого ответивших / Total number of respondents	5881	100,0

Показателями исследовательской модели выступили экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии. Жизненные планы для каждой стратегии установлены исходя из ключевых жизненных ориентиров молодежи (определенных изначально методами молодежных фокус-групп, экспертных консультаций в 2018 году (с последующей коррекцией), а также с учетом диагностических задач, предложенных органами управления региональной молодежной политикой (с учетом интересов региона)). Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме, с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где «обязательно» значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)».

Результаты предыдущих исследований были отражены в публикациях коллектива (Шаповалова,

2025; Шаповалова, Заводян, 2024; Кисиленко, Шаповалова, 2023; Шаповалова, 2023; Шаповалова, 2021).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Основой исследовательской модели изучения матримониальных стратегий региональной молодежи стало выделение групп с разными типами матримониальных диспозиций:

- традиционный тип, отличающийся приверженностью традиционным семейным ценностям, традиционной семье и распределению ролей среди мужчины и женщины (к нему относятся абсолютное большинство региональной молодежи, 54,5%);

- либеральный тип, показывающий определенные свободы в выборе матримониальных стратегий, вольное восприятие семьи, приверженность к альтернативному матримониальным идеологиям (также представляет значительное количество мнений среди молодых людей, 33,6%);

- эгоцентричный тип, для которого семья не является приоритетной ценностью, гораздо более значима ценность самореализации (8,1%);

- неформальный тип, отрицающий институт семьи и брака, не считающий семью в ее традиционном понимании значимой ценностью (3,8%) (Шаповалова, Благорожева, 2025).

Рассматривая типичные «стратегические черты» для каждого матримониального типа (типа молодежи с разными матримониальными диспозициями (далее, для простоты мы будем говорить о типах, выделенных на

основе это градации)), были установлены их связи с жизненным выбором в матримониальных стратегиях, а также фиксирование влияния альтернативных стратегий на жизненный выбор молодежи разных типов (Рисунки 1, 2).

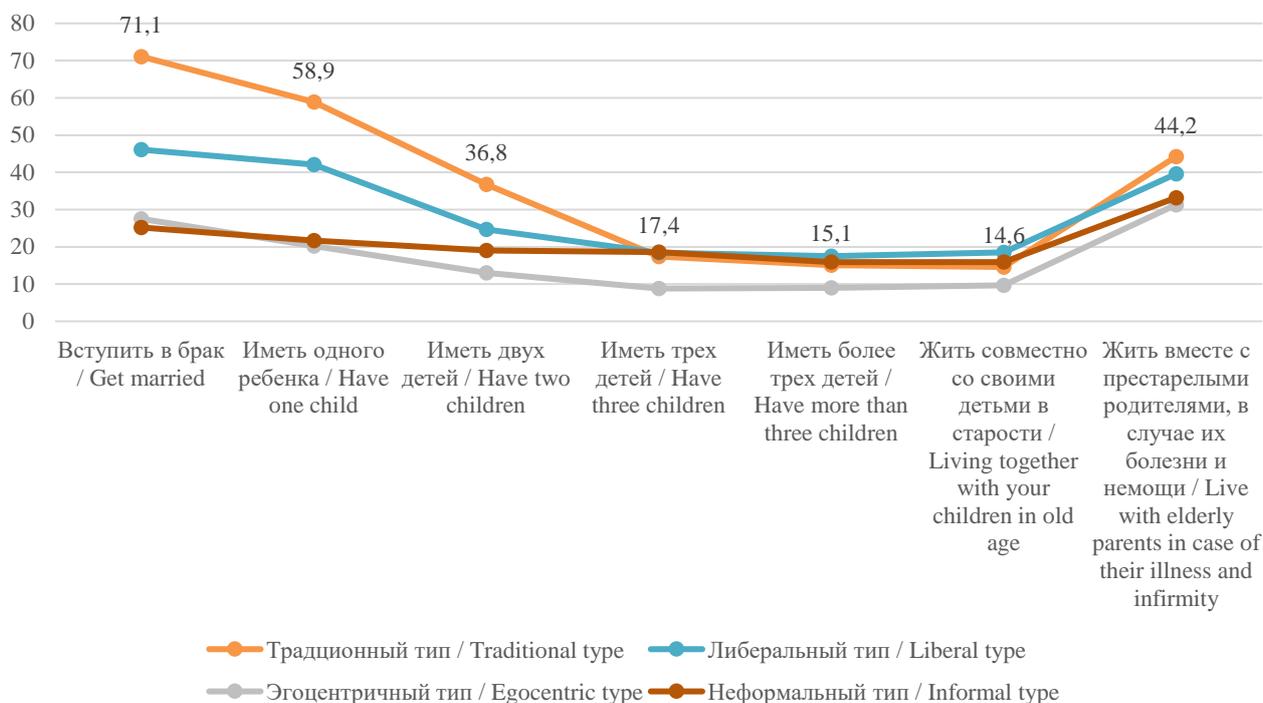

Рисунок 1. Жизненные планы в зависимости от типа матримониальных диспозиций (обязательный выбор)

Figure 1. Life plans depending on the type of matrimonial dispositions (mandatory choice)

Данные исследования показывают разрыв матримониальных планов, относительно брачных намерений для разных типов молодежи, что свидетельствует о возникновении радикальной ценностной дивергенции по императиву брака. Показатель обязательности вступления в брак демонстрирует максимальный разрыв между типами: от абсолютного доминирования у традиционного типа (71,1%) до маргинальной значимости у неформального (25,2%) и эгоцентричного (27,5%) типов. Это свидетельствует о том, что брак для «традиционалиста» является краеугольным камнем легитимной взрослости и социальной состоятельности – без него жизненная биография воспринимается как неполноценная. Для

либерального типа (46,1%) брак – важная, но не безальтернативная опция в палитре жизненных выборов. Для эгоцентричного и неформального типов брак девальвирован как социальный институт и не входит в число обязательных условий самореализации, что подтверждает их базовые диспозиции.

Анализ репродуктивных планов молодежи разных типов показал возникновение ценностной полярности: детоцентризм как атрибут традиционной модели против факультативности родительства в альтернативных моделях. Установка на обязательность наличия хотя бы одного ребенка повторяет, хотя и в менее резкой форме, логику брачного императива: 58,9% у традиционного типа против ~20% у эгоцентричного и

неформального. Однако запрос на многодетность (2 и более детей) оказывается маргинальным для всех групп, включая традиционную (36,8% – два ребенка, 17,4% – три). Это указывает на глубокую трансформацию репродуктивных установок даже в консервативной среде: нормативным минимумом становится один ребенок, в то время как модель многодетной семьи утрачивает характер массового императива, сохраняясь как ценность для меньшинства. Примечательно, что либеральный тип демонстрирует некоторый рост доли на третьего ребенка (18,4%) относительно второго (24,7%), что может отражать не нормативное давление, а установку на осознанное расширение семьи как один из возможных сценариев счастливой жизни.

Показатели, связанные с заботой о престарелых родителях, обнаруживают относительно высокий и консолидированный уровень императивности (от 31,3% до 44,2%). Это свидетельствует о сохранении моральной нормы межпоколенческой ответственности, которая переживает кризис института многодетности. Однако план совместного проживания с собственными детьми в старости оказывается крайне низким по показателям для всех типов (максимум 18,5% у либерального). Это выявляет фундаментальный парадокс: установка на получение помощи от детей (пассивная солидарность) слаба, в то время как установка на оказание помощи родителям (активная солидарность) остается значимой. Это может интерпретироваться как распад традиционной циклической модели взаимных обязательств и переход к асимметричной модели, где поколение детей берет на себя ответственность за родителей, но не рассчитывает на аналогичную поддержку от своих детей, проецируя на старость модели автономности или институционального ухода.

Стоит отметить положительные моменты, на которые указывают

полученные данные. Во-первых, это сохранение сильного брачного и детского императива у традиционного типа (самого многочисленного по представленности в региональном сообществе молодежи) является ключевым демографическим ресурсом региона, создавая базу для стабилизации рождаемости на уровне простого воспроизводства (1-2 ребенка) при условии реализации их планов. Во-вторых, умеренная, но значимая установка на брак и одного ребенка у либерального типа (в совокупности это 33,6% молодежи) указывает на потенциал эволюции семейных моделей, а не их полное отклонение. Этот тип может стать агентом распространения более эгалитарных, рефлексивных форм родительства. В-третьих, высокий императив заботы о престарелых родителях у всех типов представляет собой сохраняющийся социальный капитал семейной солидарности, который может быть опорой для политики в области долгосрочного ухода, снижая нагрузку на государственные институты.

Вместе с тем, нельзя обойти вниманием выявленные проблемы и риски, которые связаны, прежде всего, с явно обозначившимся демографическим разломом и конфликтом нормативностей: резкий разрыв в установках между большинством (традиционный тип) и совокупным меньшинством (либеральный, эгоцентричный, неформальный – 45,5%) создает две параллельные реальности с разными демографическими перспективами. Это чревато не только количественным дефицитом рождений, но и ценностным конфликтом вокруг понятия «нормальной семьи», что может усилить социальную поляризацию.

Также стоит поднять вопрос кризиса воспроизводства многодетности как культурной нормы: маргинализация императива многодетности даже в традиционной среде (для традиционного типа молодежи) свидетельствует о глубокой эрозии большой семьи как массового идеала. Это закрепляет модель

малодетности (1-2 ребенка) как новую социальную норму, что в долгосрочной региональной и национальной перспективе недостаточно для демографического баланса.

В качестве риска стоит обозначить и диссонанс в межпоколенческом контракте: противоречие между готовностью ухаживать за родителями и нежеланием жить с детьми в старости указывает на распад межпоколенческого «социального договора», основанного на принципе прямой и симметричной реципрокности. Это ведет к индивидуализации жизненных рисков в старости и росту запроса на государственные и рыночные сервисы, к которым регион может быть не готов.

Существует и риск реализации «худшего сценария» для эгоцентричного и неформального типов молодежи. Низкие брачно-репродуктивные императивы в сочетании с высоким миграционным потенциалом и пессимизмом в оценке возможностей у этих групп создают

вероятность формирования значительной доли бездетных, не имеющих прочных семейных связей индивидов. Это повышает риски социальной аномии, одиночества в старости и роста нагрузки на системы социальной защиты. И данное предположение подтверждается преобладающим числом приверженцев среди данных типов альтернативных форм матримониальных стратегий, к которым мы относим, прежде всего, отказ от брака и рождения детей (Рисунок 2). Так, в сравнении с традиционным типом, более 1/3 неформального типа ориентированы на безбрачие, чайлдфри, феминистической позиции, 20,4% поддерживают полиаморию. Эгоцентричный тип показывает существенно меньшую приверженность альтернативным формам, но эти показатели значительно выше, чем у либерального и, тем более, традиционного типа матримониальных диспозиций.

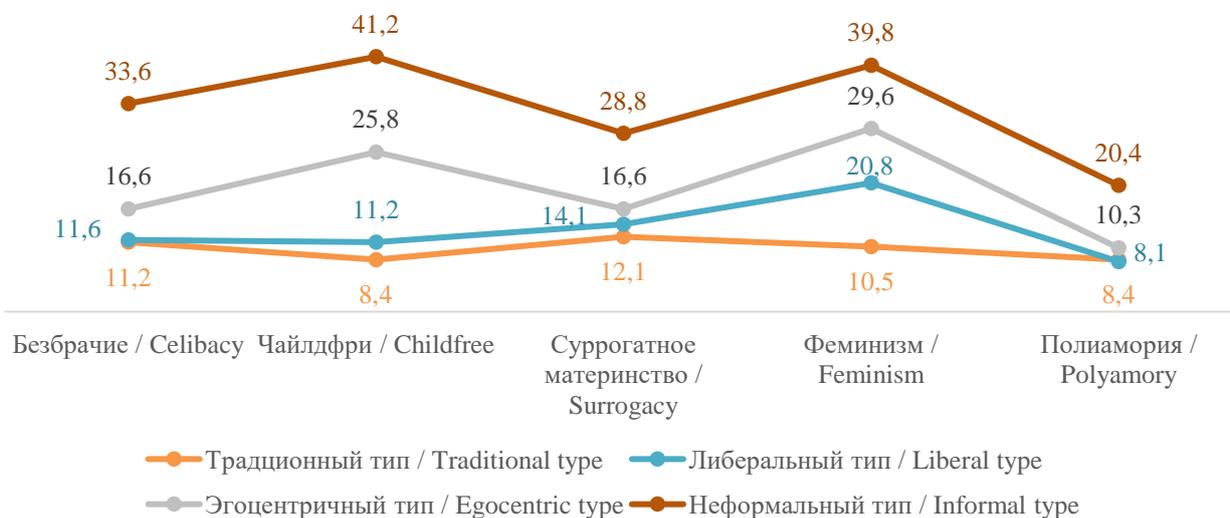

Рисунок 2. Приверженность альтернативным матримониальным идеологиям в зависимости от типа матримониальных диспозиций

Figure 2. Commitment to alternative matrimonial ideologies depending on the type of matrimonial dispositions

Анализ императивности базовых семейных сценариев раскрывает не просто вариативность предпочтений, а существование конкурирующих проектов жизненной биографии, по-разному определяющих саму суть «состоявшейся

жизни». Для традиционного типа состоявшаяся жизнь – это институционально завершенная биография (брак, дети, долг перед родителями). Для либерального типа – это биография осознанного выбора, где семейные роли –

одна из значимых, но не тотальных опций. Для эгоцентричного типа – это биография самоактуализации, где семейные императивы являются факультативными. Для неформального типа – это, возможно, биография отвержения институциональных сценариев как таковых.

В связи с этим, регион сталкивается с необходимостью переосмысления семейной политики. Она не может более опираться на единую, подразумеваемую модель семьи. Требуется дифференцированный подход: поддержка традиционной модели в ее современной малодетной версии; создание условий для реализации отложенных и рефлексивных родительских стратегий либерального типа; разработка мер по предотвращению социальной эксклюзии и будущей

уязвимости тех, кто сознательно выбирает безбрачие и бездетность (эгоцентричный, неформальный типы), через развитие институтов, не связанных с семьей (сообщества по интересам, системы накопления на старость, кооперативное жилье). Игнорирование этого ценностного плюрализма ведет к тому, что социальная политика будет работать лишь для одной части молодежи, оставляя другую на периферии, что в стратегической перспективе подрывает и демографическую, и социальную устойчивость региона.

Продолжая рассматривать портрет матримониальных типов, можно увидеть различия в их жизненном планировании и в отношении *экономических стратегий* (Таблица 2).

Таблица 2

Обязательные жизненные планы экономических стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Table 2

Mandatory life plans of economic strategies depending on the type of matrimonial dispositions of regional youth

Выборы в экономических стратегиях / Choices in economic strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Отказаться от материальной помощи родителей / Refusing financial assistance from parents	60	65,2	67,9	61,9
Покупка машины / Buying a car	59,7	55,5	48,5	45,6
Покупка квартиры / Buying an apartment	68,4	70	67,9	56,6
Открытие бизнеса / Opening a business	31,3	36,2	31,3	35
Помощь родителям / Helping parents	77,9	74,9	71,6	53,1
Выход на пенсию с отказом от работы / Retirement with refusal to work	30,6	36,5	30	35
Наличие финансовых накоплений / Having financial savings	66,1	71,8	73,1	63,7
Высокий заработок / High earnings	63,2	70,3	68,7	59,7
Открытие депозитного счета (в банке, под проценты) / Opening a deposit account (in a bank, with interest)	36,3	40,5	38	41,6

Открытие инвестиционного счета / Opening an investment account	35	39,2	40,3	39,4
Благотворительная деятельность / Charitable activities	35,2	37	27,3	30,5

Независимо от матримониальной диспозиции, в иерархии экономических планов доминируют универсальные для всей когорты цели: покупка квартиры (максимум у либерального типа – 70%, минимум у неформального – 56,6%), отказ от материальной помощи родителей (пик у эгоцентричного типа – 67,9%), помощь родителям (максимум у традиционного типа – 77,9%) и формирование финансовых накоплений. Это свидетельствует о глубокой интериоризации неолиберальных установок на личную финансовую автономию и обретение жилищной самостоятельности как обязательного условия взросления, что может рассматриваться как общий структурный императив для современной региональной молодежи. Однако интенсивность приверженности этим целям варьируется, указывая на модуляцию базовых установок ценностными фильтрами.

Респонденты с традиционной диспозицией демонстрируют наиболее выраженную ориентацию на межпоколенческую солидарность (помощь родителям – 77,9%, лидерство среди типов). При этом для них характерен относительно более высокий приоритет покупки автомобиля (59,7%) как атрибута «нормативной» семейной жизни и сравнительно более низкие показатели по установкам, связанным с инвестиционной и бизнес-активностью (открытие инвестиционного счета – 35%, открытие бизнеса – 31,3%). Данный профиль отражает экономическую стратегию, ориентированную не на максимизацию доходов и радикальное изменение статуса, а на стабильность, выполнение социально одобряемых обязательств и воспроизводство устоявшихся моделей потребления. Высокий показатель планирования «высокого заработка»

(63,2%), однако, указывает на адаптацию традиционных ценностей к современным экономическим требованиям.

Либеральный тип выступает как авангард финансовой рациональности и активного достижения: данная группа последовательно лидирует или занимает высокие позиции по большинству показателей, связанных с индивидуальной финансовой агентностью, инвестициями и карьерой. Этот профиль соответствует идеальному типу рефлексивного, прагматичного актора, который, сохраняя приверженность базовым целям (квартира, автономия от родителей), делает акцент на инструментах капитализации доходов и создании личной финансовой «подушки безопасности». Экономическое планирование здесь выступает ключевой сферой самореализации, относительно независимой от семейных обязательств в их традиционном понимании.

Эгоцентричный тип показывает парадоксальное сочетание автономии и инструментальности. Группа, декларирующая приоритет самореализации над семьей, показывает максимальный уровень стремления к независимости от родительской поддержки (67,9%) и высокие значения по показателям финансовой дисциплины («накопления» – 73,1%, лидерство среди типов). При этом наблюдается снижение значимости «помощи родителям» (71,6% – минимальный показатель после неформального типа) и покупки автомобиля (48,5% – минимум). Экономическая стратегия данного типа может быть интерпретирована как гипертрофированно-индивидуалистическая: финансовые ресурсы и планирование направлены в первую очередь на обеспечение личной свободы и комфорта (квартира, накопления), тогда как символы статуса

(автомобиль) и солидарные обязательства отходят на второй план. Высокие карьерные амбиции (высокий заработок – 68,7%) служат инструментом этой автономии.

Неформальный тип скорее склонен к стратегии депривации и альтернативной социальности. Наиболее маргинальная по численности группа демонстрирует системное снижение показателей по всем базовым социально-одобряемым экономическим целям: покупка квартиры (56,6%), помощь родителям (53,1%), покупка автомобиля (45,6%), высокий заработок (59,7%). При этом относительно высоки доли планов, связанных с пассивным доходом и альтернативными формами распределения средств (открытие депозита – 41,6%, инвестиции – 39,4%, выход на пенсию с отказом от работы – 35%). Данный профиль может свидетельствовать либо о скрытом неблагополучии и вынужденной адаптации к ограниченным ресурсам (отсюда слабая вера в возможность достижения крупных целей), либо о сознательном конструировании альтернативной жизненной модели, минимизирующей вовлеченность в институты труда и потребления в их традиционных формах. Низкий показатель благотворительности (30,5%) коррелирует с общим отчуждением от моделей просоциального поведения.

Проведенный анализ подтверждает тезис о том, что матримониальные

диспозиции выступают не изолированным ценностным комплексом, а системообразующим фильтром, опосредующим выработку конкретных экономических стратегий жизненного планирования. Обнаруженные паттерны свидетельствуют о формировании в молодежной среде региона различных моделей адаптации к условиям неопределенности, варьирующихся от стратегий солидарного консерватизма и рефлексивного прагматизма до гипериндивидуализма и альтернативного отчуждения. Последующие исследования должны быть направлены на качественный анализ механизмов принятия решений внутри каждого типа и изучение факторов, способствующих или препятствующих реализации обозначенных планов в конкретных региональных контекстах.

Сопоставительный анализ в *политических стратегиях* позволяет выявить конфигурацию политических идентичностей и практик, ассоциированных с различными ценностными комплексами в приватной сфере. Важно отметить, что общий уровень вовлеченности в политические планы значительно уступает показателям в экономической сфере, что коррелирует с общемировым трендом деполитизации частной жизни молодежи, однако внутренняя дифференциация между типами сохраняет высокую аналитическую ценность.

Таблица 3

Обязательные жизненные планы политических стратегий
в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Table 3

Mandatory life plans of political strategies depending on the type
of matrimonial dispositions of regional youth

Выборы в политических стратегиях / Choices in political strategies	Традици онный тип / Tradition al type	Либерал ный тип / Liberal type	Эгоцентр ичный тип / Egocentri c type	Неформ альный тип / Informal type
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями	23,6	26,7	23,5	25,7

/ Become more politically active: understand politics, participate in political discussions, follow political news				
Вступить или участвовать в работе политической партии / Join or participate in the work of a political party	16,1	21,2	12,2	22,1
Активно участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров / Actively participate in election campaigns in support of political leaders	21,9	22,9	16,6	20,4
Участвовать в выборах, референдумах / Participate in elections, referendums	31,6	31,3	22,9	33,2
Участвовать в протестных движениях / Participate in protest movements	15,9	22,2	15,1	23,9
Участвовать в качестве депутата в выборах / Participate as a deputy in elections	17,5	22,4	14,5	23
Баллотироваться в мэры или губернаторы / Run for mayor or governor	17,7	22,1	14,3	19,9

Наиболее значимым выводом является повсеместно низкий уровень включенности в проактивные политические планы (от 12,2% до 33,2% в зависимости от позиции). Даже базовый план «участия в выборах, референдумах» не преодолевает порог в 34%, что свидетельствует о глубокой институциональной аномии или восприятии политики как периферийной, слабо контролируемой сферы жизненного проекта. Политика не конституируется как поле самореализации для большинства, независимо от семейных установок. Единственным относительным «лидером» является формальное электоральное участие, что может интерпретироваться либо как рудимент гражданского долга, либо как реакция на внешнее нормативное давление.

Либеральный и неформальный типы выступают как носители политической агентности (относительно других групп). Наблюдается устойчивая закономерность: по абсолютному большинству показателей либеральный и неформальный типы демонстрируют сходные и наиболее высокие уровни потенциальной политической активности. Это проявляется в готовности к партийной работе (21,2% и 22,1%), в участии в протестных движениях

(22,2% и 23,9%), в желании баллотироваться на различные должности (22,1% и 19,9%). Данное сходство, при радикальном различии в матримониальных установках, указывает на общий для этих групп критический дистанцирующий рефлекс по отношению к институциональным нормам в широком смысле. Если либеральный тип переносит принципы выбора и рефлексии из приватной сферы в публичную, то неформальный тип демонстрирует тотальную установку на неподчинение любым предзаданным структурам – как семейным, так и политическим. Их политические планы можно охарактеризовать как потенциально протестные или альтернативно-мобилизационные.

Традиционный тип скорее показывает пассивную лояльность и ритуальное участие, можно наблюдать наиболее низкий интерес к нетрадиционным и протестным формам политики при относительно более высокой ориентации на ритуально-санкционированные формы, такие как участие в выборах (31,6%) и электоральных кампаниях в поддержку лидеров (21,9%). Этот профиль соответствует модели пассивно-

лоялистской гражданственности, где политическое участие ограничивается выполнением минимальных ожиданий системы и поддержкой статус-кво, что является логичным продолжением консервативной, стабилизационной установки в приватной жизни. Активная политическая самореализация (баллотирование) не входит в ядро жизненного проекта.

Эгоцентричный тип последовательно демонстрирует наиболее низкие показатели по всем без исключения пунктам политических планов (от участия в выборах – 22,9%, до баллотирования – 14,3%). Это является прямым следствием декларируемой ценностной иерархии: сфера самореализации и построения личного благополучия полностью поглощает ресурсы и внимание, не оставляя пространства для проектов, связанных с коллективным действием или общественными интересами. Политика воспринимается как наименее релевантное и продуктивное поле для вложения усилий с точки зрения утилитарного индивидуализма. Данный тип представляет собой идеального агента политической апатии, порожденной гипертрофией приватных целей.

Таким образом, политические стратегии жизненного планирования региональной молодежи демонстрируют не прямую, а опосредованную корреляцию матримонимальными диспозициями. Связь проявляется не в специфике политических предпочтений, а в базовой модели отношений индивида с институциональным порядком в целом. Традиционализм в семье коррелирует с пассивным принятием политического статус-кво, либерализм в частной жизни – с установкой на рефлексивный и мобилизационный активизм в публичной сфере, эгоцентризм – с политическим

абсентеизмом, а тотальное отрицание семьи – с диффузным протестным потенциалом. Таким образом, матримонимальная диспозиция выступает надежным предиктором не конкретных политических взглядов, а степени и модуса включенности/исключенности индивида из публичного пространства.

Представленные данные *общественных стратегий* завершают триаду ключевых жизненных доменов (экономика, политика, общественная активность) и позволяют выявить особенности конфигурации просоциального поведения в зависимости от базовых семейных установок. Анализ демонстрирует, что сфера гражданского участия, в отличие от политической, обладает более выраженным нормативным притяжением, однако его интенсивность и формы существенно опосредованы ценностными матрицами, связанными с приватным жизнеустройством (Таблица 3). Наблюдается ограниченный, но значимый потенциал базовой просоциальности. Уровни планирования общественной активности, хотя и невысоки в абсолютном выражении (от 20,2% до 35,8%), систематически превышают показатели политических стратегий (за исключением формального электорального участия). Это указывает на то, что гражданское участие воспринимается как более доступное, конкретное и этически бесспорное поле для реализации социальной ответственности, в отличие от политики, ассоциирующейся с конфликтом и институциональной сложностью. Наиболее востребованными формами являются волонтерство и благотворительность – прямые, эмоционально понятные и ситуативные акты помощи, не требующие долгосрочных институциональных обязательств.

Обязательные жизненные планы общественных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Таблица 4

Mandatory life plans of public strategies depending on the type of matrimonial dispositions of regional youth

Table 4

Выборы в общественных стратегиях / Choices in public strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Заниматься волонтерской деятельностью / Volunteer	34,4	35,8	25,4	29,2
Основать или стать членом общественной организации / Found or become a member of a public organization	21,9	26,4	20,6	25,2
Заниматься благотворительностью / Do charity work	35	34,4	27,3	28,3
Предложить и реализовать какой-то социально-значимый проект / Propose and implement a socially significant project	25,9	30,1	21,8	28,3
Заниматься социальным предпринимательством / Engage in social entrepreneurship	27	28,6	20,2	23,5

Либеральный тип выступает как интегративный центр гражданской активности. Данная группа последовательно, хотя и не радикально, лидирует по большинству показателей, демонстрируя наиболее сбалансированный профиль участия: волонтерство (35,8%), членство в НКО (26,4%), социальное предпринимательство (28,6%), инициирование социальных проектов (30,1%). Этот паттерн согласуется с ранее выявленной моделью рефлексивного и прагматичного агентства. Общественная сфера выступает для либерального типа как пространство конструктивной самореализации, проверки компетенций и расширения социального капитала, что является логичным продолжением установки на осознанный выбор и ответственность во всех сферах жизни.

Традиционный тип скорее склонен к солидарности в ближнем кругу, нежели к институционализированной ответственности. Группа демонстрирует

умеренный, но устойчивый уровень планов, связанных с прямыми актами помощи (волонтерство – 34,4%, благотворительность – 35%). Однако показатели, требующие формальной институционализации и проектного мышления (основание НКО, социальное предпринимательство, реализация социальных проектов), заметно ниже (21,9%-27%). Это подтверждает гипотезу о том, что просоциальность традиционного типа носит локальный, патерналистский и дисперсный характер, фокусируясь на помощи конкретным «ближним» или решению очевидных, близких проблем, а не на системном изменении социальной среды через институты гражданского общества.

Эгоцентричный тип, как и в политической сфере, показывает наиболее низкие значения по всем пунктам (от 20,2% до 27,3%). Это окончательно закрепляет портрет радикального частного индивидуалиста, чьи ресурсы (временные,

когнитивные, эмоциональные) полностью мобилизованы на проекты личного и карьерного роста. Общественное благо не входит в систему приоритетов, а просоциальные действия, если и планируются, носят, вероятно, либо инструментальный характер (для резюме), либо рудиментарный, обусловленный ситуативным эмоциональным откликом. Это создает риски атомизации и ослабления горизонтальных социальных связей.

Неформальный тип представляют особый интерес: его показатели жизненного планирования в рамках общественных стратегий систематически выше, чем у эгоцентричного типа, но ниже, чем у традиционного и либерального, за исключением пункта «основать/стать членом общественной организации» (25,2%), где они близки к либеральному типу. Эта амбивалентность (относительно высокая готовность к членству в НКО при низком интересе к волонтерству и благотворительности) может свидетельствовать о поиске альтернативных, неиерархических сообществ и идентичностей, замещающих отвергаемые традиционные институты (семья, государство). Общественная организация для них может быть не инструментом помощи, а формой аффилиации, субкультурной принадлежности или способом выражения специфических, часто маргинальных интересов.

Общественные стратегии жизненного планирования региональной молодежи демонстрируют выраженную градиацию, напрямую коррелирующую с шириной социальной идентичности и пониманием ответственности, заложенными в матрициальных диспозициях. Традиционный тип проецирует модель семейной солидарности на общество в форме патерналистской помощи. Либеральный тип осуществляет рефлексивный перенос частных ценностей выбора и агентства в сферу гражданского участия, видя в нем поле для

проектной самореализации. Эгоцентричный тип концентрирует всю ответственность на себе, исключая общество из горизонта планирования. Неформальный тип ищет в гражданских структурах альтернативные формы аффилиации, компенсирующие отвержение основных социальных институтов.

Представленные данные о *миграционных стратегиях* позволяют исследовать критически важный для регионов аспект жизненного планирования, непосредственно связанный с вопросами человеческого капитала, демографического баланса и социально-экономической динамики. Миграционные намерения, рассматриваемые в континууме от внутрирегиональной мобильности до эмиграции, выступают индикатором не только оценки локальных возможностей, но и глубинных ценностных ориентаций, связанных с привязанностью к месту, готовностью к риску и горизонтом планирования. Анализ выявляет четкую иерархию миграционной готовности, тесно коррелирующую с типом матрициальной диспозиции (Таблица 5).

Данные демонстрируют строгую последовательность: по всем четырем видам миграционных планов неформальный тип показывает максимальные значения, за ним с небольшим отрывом следует либеральный тип, далее – эгоцентричный тип, и замыкает ряд традиционный тип с минимальными показателями. Эта иерархия отражает обратную зависимость между силой привязанности к локальным/национальным институциональным и ценностным структурам и готовностью к пространственной мобильности. Чем слабее связь с базовым социальным институтом (семьей), тем слабее «якорь», удерживающий индивида в данном географическом и социальном контексте.

Таблица 5
Обязательные жизненные планы миграционных стратегий в зависимости от типа
матримониальных диспозиций региональной молодежи

Table 5
Mandatory life plans of migration strategies depending on the type of matrimonial dispositions
of regional youth

Выборы в миграционных стратегиях / Choices in migration strategies	Традицион ный тип / Traditional type	Либераль ный тип / Liberal type	Эгоцентри чный тип / Egocentric type	Неформал ьный тип / Informal type
Поменять место жительства в пределах своего региона / Change your place of residence within your region	22,7	32,3	26,3	35,8
Поменять место жительства в рамках территории РФ / Change your place of residence within the territory of the Russian Federation	16,1	27,6	22,1	30,5
Уехать из РФ в страны Востока / Leave the Russian Federation for Eastern countries	11,5	22	15,1	26,1
Уехать из РФ в страны Запада / Leave the Russian Federation for Western countries	9,9	20,9	14,7	25,7

Неформальный тип выступает как носитель тотальной миграционной готовности. Данная группа демонстрирует абсолютный максимум по всем направлениям, причем разрыв с традиционным типом по ключевым показателям драматичен: готовность уехать в страны Запада выше в 2,6 раза (25,7% против 9,9%), в страны Востока – в 2,3 раза (26,1% против 11,5%). Это подтверждает гипотезу о данном типе как о носителе генерализованной установки на отчуждение и внешнюю жизненную стратегию. Отвергая базовые институты (семья, брак), они аналогичным образом относятся и к более широким социальным системам – локальному сообществу и национальному государству. Миграция для них – не инструмент улучшения жизни, а форма экзистенциального бегства или поиска альтернативной социальной среды, где их маргинальная идентичность будет более легитимна.

Либеральный тип воспринимает мобильность как рациональную опцию и ресурс развития. Для данной группы

характерны высокие, но не максимальные, показатели мобильности, особенно внутри страны (переезд в другой регион РФ – 27,6%). Это соответствует модели рефлексивного и прагматичного актора, рассматривающего пространственную мобильность как один из ключевых ресурсов для оптимизации жизненных шансов – карьерных, образовательных, возможно, матримониальных. Готовность к эмиграции (20,9% на Запад) здесь – не жест отчаяния, а расчетливая оценка сравнительных преимуществ разных юрисдикций в контексте личного жизненного проекта. Их мобильность носит избирательный и целерациональный характер.

Традиционный тип воспринимает локальную укорененность как основу стабильности. Данная группа последовательно демонстрирует наиболее низкий потенциал любой мобильности. Это является прямым следствием ценностного комплекса, центрированного на воспроизводстве семейных моделей, опоре на близкие сети родственной

поддержки и приверженности известному, предсказуемому социальному порядку. Пространственная мобильность воспринимается как угроза этой хрупкой экосистеме стабильности. Низкие показатели эмиграционных настроений (менее 12%) особенно значимы, поскольку указывают на сохранение лояльности национально-государственному пространству как естественной среде для реализации традиционного жизненного проекта. Их укорененность – ключевой антимиграционный ресурс региона.

Эгоцентричный тип скорее готов к ситуативной и инструментальной мобильности. Занимая предпоследнее место по миграционной готовности, данная группа, однако, по ряду показателей (внутрирегиональная мобильность – 26,3%, переезд по РФ – 22,1%) существенно опережает традиционный тип. Это указывает на то, что мобильность для эгоцентричного типа возможна, но лишь постольку, поскольку она служит цели личной самореализации и карьерного роста. Их решение о переезде будет строго утилитарным, лишенным как эмоциональной привязанности к месту (в отличие от традиционного типа), так и ценностного поиска новой социальной среды (в отличие от неформального типа). Они – потенциальные «экономические мигранты» в чистом виде.

Таким образом, миграционные стратегии региональной молодежи образуют системную проекцию их матримониальных диспозиций на макропространственный уровень. Готовность к миграции выступает функцией от степени укорененности индивида в локальную институциональную и ценностную ткань, фундаментом которой является семья. Традиционный тип, чья идентичность построена вокруг семьи и места, демонстрирует минимальную мобильность, выступая стабилизатором. Либеральный тип, для которого семья –

результат выбора, а не данность, рассматривает пространство как арену для оптимизации жизненных шансов. Эгоцентричный тип готов к мобильности как к инструменту личного успеха. Неформальный тип, отрицающий семью, проецирует это отрицание на все более широкие социальные системы, демонстрируя максимальную готовность к разрыву связей.

Карьерные стратегические диспозиции определяют разницу в карьерных устремлениях разных типов матримониальных диспозиций молодежи. Вне зависимости от матримониальной диспозиции, доминирующей карьерной целью является высокий заработок (от 58,8% у неформального типа, до 65,9% у либерального). В то же время, жихненный план «работать по специальности» демонстрирует сравнительно низкие и наименее дифференцированные значения (от 38,2% до 43,8%). Это свидетельствует о глубокой инструментализации профессионального выбора в сознании молодежи: образование и специальность воспринимаются не как призвание или основа идентичности, а, прежде всего, как ресурс для достижения материального благополучия. Ценность профессии замещается ценностью дохода, что отражает общий тренд рыночной рационализации жизненных траекторий (Таблица 6).

Представленные данные о карьерных стратегиях позволяют исследовать ключевой аспект жизненного планирования, находящийся в диалектической взаимосвязи с матримониальными установками. Карьера выступает не только экономическим базисом, но и сферой идентичности, статуса и самореализации, что обуславливает сложное взаимодействие с семейными проектами. Анализ выявляет как конвергенцию определенных установок, так и выраженную специфику, соответствующую логике каждого типа.

Обязательные жизненные планы карьерных стратегий в зависимости от типа
матримониальных диспозиций региональной молодежи

Таблица 6

Mandatory life plans of career strategies depending on the type of matrimonial dispositions
of regional youth

Table 6

Выборы в карьерных стратегиях / Choices in career strategies	Традиционн ый тип / Traditional type	Либеральн ый тип / Liberal type	Эгоцентричн ый тип / Egocentric type	Неформальн ый тип / Informal type
Работать по специальности / Work in your specialty	43,8	41,5	38,2	38,5
Стать высокооплачиваемым специалистом / Become a highly paid specialist	61,8	65,9	64,3	58,8
Иметь собственный бизнес / To have one's own business	39,1	39,6	36,1	41,6
Обучать людей в своей профессиональной области / Train people in one's professional field	36,7	37,7	30,9	35,4
Руководить структурным подразделением / Manage a structural division	36,3	36,3	32,6	35,8
Руководить организацией / Manage an organization	36,2	37,4	32,4	42,9
Руководить корпорацией / Manage a corporation	33,4	34,6	31,1	38,9
Сделать успешную карьеру / Make a successful career	55,2	61,4	66,2	55,3
Стать знаменитым в своей профессиональной сфере / Become famous in one's professional field	40,7	44	43,3	45,6

Так, либеральный тип в карьерной сфере демонстрирует диспозиционную модель сбалансированного карьерного рефлексивизма. Данная группа лидирует или делит лидерство по большинству индикаторов, связанных со статусным ростом и управлением: стать высокооплачиваемым специалистом (65,9%), сделать успешную карьеру (61,4%), стать знаменитым в сфере (44%). При этом показатели по предпринимательству и руководству не имеют выраженного пика, что указывает на диверсифицированный, гибкий подход. Карьера для либерального типа является ключевым полем для рефлексивного

проектирования собственной биографии, где значимы и доход, и признание, и возможности для развития. Эта стратегия согласуется с общей установкой на осознанный выбор и максимализацию возможностей во всех сферах жизни.

Эгоцентричный тип определяют карьеру как высшую форму самореализации, но при этом наблюдается определенный парадокс. Группа подтверждает свою ключевую ценностную доминанту: план «сделать успешную карьеру» достигает здесь максимума – 66,2%, превосходя даже либеральный тип. Однако другие компоненты карьерного успеха (руководство, обучение других)

выражены слабее. Это формирует профиль гипертрофированного карьеризма, где карьера понимается не как комплекс статусов и функций, а как нарратив личного триумфа и основное мерило самореализации, потенциально замещающее семейные достижения. Высокий заработок (64,3%) является не самостоятельной целью, а необходимым атрибутом этого успеха. Низкие значения планов, связанных с передачей знаний (обучать – 30,9%) и управлением людьми, могут указывать на индивидуалистический, а не коллективистский характер этого стремления.

Традиционный тип ориентирован на умеренный успех в рамках стабильности. Для данной группы характерны средние или чуть ниже средних показатели по амбициозным карьерным планам (успешная карьера – 55,2%, руководство корпорацией – 33,4%), при сохранении высокого базового ориентира на высокий заработок (61,8%). Карьерные стратегии традиционного типа можно охарактеризовать как ориентированные на надежность и социальную приемлемость, а не на прорывной успех. Карьера важна как основа материального обеспечения семьи (традиционная мужская роль) или как допустимая сфера приложения сил до создания семьи (для женщин). Однако она не должна дестабилизировать семейный уклад, что объясняет относительную сдержанность в отношении рискованных (собственный бизнес) и чрезмерно поглощающих (управление корпорацией) сценариев.

Неформальный тип наиболее противоречив. При относительно низком интересе к линейной карьере по специальности и высокому заработку, наблюдаются неожиданно высокие планы в сфере управления и предпринимательства: управление организацией (42,9% – максимум), управление корпорацией (38,9% – максимум), собственный бизнес (41,6%). Это может интерпретироваться двояко. С одной стороны, это может отражать установку на радикальную автономию и

контроль над своим положением, где собственный бизнес или высокая руководящая позиция воспринимаются как способ минимизации внешней зависимости от правил и начальства. С другой – это может быть компенсаторной фантазией о тотальном контроле над социальной средой, которая в частной сфере отвергается. Низкий интерес к «успешной карьере» (55,3%) при высоком – к управлению, указывает на специфическое понимание успеха не как продвижения по лестнице, а как обретения власти и независимости.

Таким образом, карьерные стратегии региональной молодежи образуют сложный ландшафт, где доминирующий запрос на материальный успех накладывается на глубоко различные ценностные матрицы, задающие смысл и допустимые формы его достижения. Матримониальные диспозиции выступают здесь не как прямой детерминант профессионального выбора, а как фундаментальный культурный код, структурирующий отношение к успеху, риску, власти и социальным обязательствам в трудовой сфере. Либеральный тип воплощает модель адаптивного, многомерного успеха. Традиционный тип стремится к успеху, ограниченному рамками стабильности и семейных обязанностей. Эгоцентричный тип замещает семейный проект карьерным триумфом. Неформальный тип ищет в карьере не успех, а абсолютную автономию и контроль. Ключевым вызовом для системы образования и рынка труда региона является необходимость предложить дифференцированные траектории и смысловые рамки, которые позволили бы конвертировать эти разнонаправленные, а иногда и внутренне противоречивые амбиции в продуктивные и социально интегрированные профессиональные биографии.

Духовно-нравственные стратегии как нельзя более четко характеризуют выделенные типы молодежи с разными матримониальными диспозициями и дают яркие черты к их общему социальному

портрету. Наблюдается общая тенденция: планы по повышению культурного уровня имеют сравнительно более высокие и консолидированные показатели (от 31,3% у эгоцентричного типа до 37,6% у либерального), чем планы, связанные с религиозной идентификацией и практикой (от 21% до 35,6%). Это свидетельствует о секуляризационном тренде и примате «горизонтальной» самоактуализации через

культуру над «вертикальной» связью с сакральным. Культура воспринимается как универсальный и социально одобряемый ресурс для развития личности, в то время как религия становится предметом более личного, часто факультативного выбора, интенсивность которого сильно варьируется в зависимости от ценностного типа (Таблица 7).

Таблица 7

Обязательные жизненные планы духовно-нравственных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Table 7

Mandatory life plans of spiritual and moral strategies depending on the type of matrimonial dispositions of regional youth

Выборы в духовно-нравственных стратегиях / Choices in spiritual and moral strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Повысить свою религиозную культуру, стать прихожанином церкви / Improve one's religious culture, become a churchgoer	29,2	27,4	21	27,4
Повысить свой культурный уровень / Improve one's cultural level	37	37,6	31,3	33,6
Стать примером нравственных поступков (возможно, даже героем) / Become an example of moral actions (maybe even a hero)	33,5	30,8	22,1	30,5
Совершить какой-нибудь подвиг (например, гражданский или военный) / Perform some feat (for example, civil or military)	27,1	26	18,9	28,8
Помогать в контроле за нравственностью в нашем обществе (на территории проживания) / Help control morality in our society (in the territory of residence)	29,6	28,4	19,7	25,7
Ввести в религию своего ребенка / Introduce one's child to religion	30,1	25,5	16,6	22,1

Традиционный тип демонстрирует наиболее высокие показатели по планам, связанным с институциональной религиозностью и межпоколенческой трансляцией ценностей: «ввести в религию своего ребенка» (30,1% – максимум), «повысить религиозную культуру» (35,6% – максимум, согласно второй строке). Нравственность здесь понимается как следование внешним, данным свыше и передаваемым по наследству нормам, за соблюдением которых следует общественный контроль (29,6% – помощь

в контроле за нравственностью). Героизм («совершить подвиг») так же имеет традиционалистскую окраску (27,1%, уступая только неформальному типу), вероятно, связываясь с жертвенностью во имя коллектива или государства. Это модель нормативно-интегрированной нравственности, где личный моральный выбор подчинен внешнему авторитету.

Либеральный тип характеризуется умеренными и сбалансированными показателями по всем пунктам, с легким акцентом на культурное развитие (37,6%)

и относительно пониженным интересом к воспитанию религиозности у детей (25,5% – минимум). Это соответствует этике рефлексивного и автономного морального субъекта, который формирует собственную систему ценностей через потребление культуры и личный опыт. Нравственный поступок и героизм («стать примером» – 30,8%, «подвиг» – 26%) лишены здесь сакрального ореола и могут рассматриваться как акты гражданской ответственности или личной чести, вытекающие из внутренних убеждений, а не из предписаний.

Эгоцентричный тип последовательно показывает наиболее низкие значения по всем без исключения показателям духовно-нравственных планов. Это является прямым следствием декларируемой иерархии ценностей: сфера морали и духовности, предполагающая ориентацию на «Другого» (Бога, общество, ребенка, моральный идеал), системно вытесняется проектом самореализации, сфокусированным на самом индивиде. Культурный уровень (31,3%) важен как атрибут успешной личности, но не как путь к трансценденции. Эта позиция представляет собой радикальную имманентность, где мораль, если и существует, носит сугубо контрактный и инструментальный характер. Низкие показатели планов, связанных с детьми (16,6%) и контролем нравственности (19,7%), подтверждают отсутствие просоциальной и трансгенерационной ответственности.

Неформальный тип проявляет амбивалентный поиск экзистенциальных оснований вне институтов. Профиль данной группы наиболее парадоксален (как, впрочем, и в других жизненных стратегиях). При отрицании базового социального института (семьи) и относительно низком интересе к религиозной институционализации, они показывают неожиданно высокие планы в сфере героического действия («совершить подвиг» – 28,8%, максимум) и морального примера (30,5%). Это может указывать на

поиск интенсивного экзистенциального опыта и личной значимости через единичные, пограничные акты, которые компенсируют отчуждение от рутинных социальных норм и идентичностей. Их «подвиг» – не жертва во имя традиции, а, возможно, жест радикальной самоутверждения или защиты маргинализированных ценностей. Относительно высокий показатель «помощи в контроле за нравственностью» (25,7%) может отражать не охранительный, а скорее нонконформистский, «контрольный» импульс по отношению к моральному большинству.

Духовно-нравственные стратегии региональной молодежи образуют смысловое ядро, вокруг которого кристаллизуются все прочие жизненные планы. Матримониальные диспозиции здесь выступают как глубинные структуры, предопределяющие сам способ конструирования морального порядка и поиска смысла. Традиционный тип ищет опору во внешнем, трансцендентном авторитете и преемственности поколений. Либеральный тип строит автономную этику на основе рефлексии и культурного диалога. Эгоцентричный тип редуцирует мораль до рамок личного успеха, демонстрируя симптоматичный «нравственный дефицит». Неформальный тип пытается обрести экзистенциальную значимость через разрыв с нормами и интенсивный личный опыт на грани героического/девиантного. Таким образом, регион сталкивается не просто с разнообразием мнений, а с фундаментальной плюрализацией моральных онтологий. Ключевым вызовом является поиск языка и практик, которые позволили бы обеспечить минимальный моральный консенсус для общежития между носителями этих различных онтологий, предотвратить маргинализацию и конфликт, а также создать условия для осмысленного духовно-нравственного поиска, не сводящегося ни к консервативному догматизму, ни к

потребительскому релятивизму. Будущее социальной сплоченности региона в значительной степени зависит от способности публичной сферы артикулировать и соединить эти разнородные этические голоса в продуктивный диалог.

Также, как и духовно-нравственные стратегии, *самосохранительные стратегии* наглядно показывают, что «традиционность» в матримониальных стратегиях и диспозициях становится позитивным фактором в реализации всех стратегически значимых направлений – так, поставленный курс на здоровье нации, на продолжительность жизни, включение в спорт и физическую культуру обуславливает соответствующие ориентиры, которых более всего придерживается именно традиционный тип. Именно для него более других характерен выбор (и он же является приоритетным для данного типа) осознанного контроля и поддержания

собственного здоровья, что также отражается в планировании жизненных шагов, связанных с активным спортом, здоровым питанием, отказом от вредных привычек и даже желанием быть спортивным волонтером. Можно сказать, что традиционный тип молодежи воспринимает здоровье как долг и ресурс для выполнения семейных ролей. Показатели желаемого долголетия (до 70 лет – 57,6%, до 80 – 50,1%, до 90 – 43%, до 100 – 37,8%) существенно выше, чем у других типов (Таблица 8). Это формирует модель телесной аскезы и ответственного менеджмента здоровья, где забота о себе мотивирована не столько гедонистическими соображениями, сколько необходимостью быть надежным кормильцем, родителем, опорой для старшего поколения. Высокая готовность к диспансеризации (53,2%) подтверждает установку на профилактику как на норму. Здесь тело – инструмент служения семейному долгу.

Таблица 8

Обязательные жизненные планы самосохранительных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Table 8

Mandatory life plans of self-preservation strategies depending on the type of matrimonial dispositions of regional youth

Выборы в самосохранительных стратегиях / Choices in self-preservation strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Заниматься спортом / Play sports	64,3	59,9	57,6	47,8
Не курить и не употреблять других вредных веществ / Do not smoke or use other harmful substances	65,1	59,4	59,5	51,8
Не употреблять алкоголь (минимум употребления) / Do not drink alcohol (minimum consumption)	62,7	54,5	54,6	46,5
Придерживаться здорового питания / Eat a healthy diet	53,3	47,1	45,6	39,4
Посещать поликлинику и проходить диспансеризацию в целях профилактики заболеваний / Visit a clinic and undergo medical examinations for disease prevention	53,2	50,5	47,5	40,7
Стать спортивным волонтером / Become a sports volunteer	36,5	33,2	26,1	29,6

Выборы в самосохранительных стратегиях / Choices in self-preservation strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Дожить до 70 лет / Live to 70 years	57,6	51,3	42,6	39,4
Дожить до 80 лет / Live to 80 years	50,1	44,3	36,3	37,6
Дожить до 90 лет / Live to 90 years	43	39,5	33,2	35,8
Дожить до 100 лет или более / Live to 100 years or more	37,8	36,2	29	36,3

Либеральный и эгоцентричный типы относятся к здоровью как капиталу для самореализации. Показатели этих двух групп по базовым практикам близки, но их мотивационные структуры различаются. Для либерального типа здоровье является частью рефлексивного проекта «управляемой самости», необходимого для поддержания высокого качества жизни, продуктивности и возможности осуществлять множественные выборы. Для эгоцентричного типа здоровье и физическая форма – это, прежде всего, критически важный актив для профессиональной самореализации и достижения «невероятных высот мастерства», а также условие личной независимости. Снижение показателей долголетия у эгоцентричного типа (до 70 лет – 42,6%, минимально) может указывать на более утилитарное отношение: здоровье важно для интенсивной самореализации «здесь и сейчас», но далекие горизонты менее релевантны.

Неформальный тип демонстрирует системное снижение по всем показателям самосохранительных выборов, что является наиболее ярким индикатором ее социальной маргинализации. Низкие значения по спорту (47,8%), отказу от вредных привычек (~50%) и здоровому питанию (39,4%) указывают на дефицит ресурсов (временных, мотивационных, экономических) и/или ценностную девальвацию практик заботы о себе, институционально одобряемых обществом. Крайне низкие ожидания долголетия (до 70 лет – 39,4%) отражают

не только пессимизм в отношении будущего, но и, возможно, глубинное экзистенциальное безразличие к протяженности биологического существования, лишённого, в их восприятии, смысловой наполненности.

Самосохранительные стратегии региональной молодежи, на самом деле, образуют биографическое основание, на котором возводятся все прочие жизненные проекты. Отношение к здоровью и долголетию выступает точным индикатором глубины и характера включенности индивида в социальный временной континуум. Традиционный тип, прочно встроенный в межпоколенческую цепь обязательств, максимизирует свой биологический капитал для их исполнения. Либеральный тип рационально управляет здоровьем как ресурсом для реализации множественных жизненных возможностей. Эгоцентричный тип фокусируется на здоровье как на инструменте сиюминутной эффективности и саморазвития, пренебрегая отдаленными перспективами. Неформальный тип, отвергая сам социальный порядок, де-факто отказывается и от инвестиций в свое биологическое будущее в его нормативном понимании. Таким образом, региональные системы в отношении молодежи сталкиваются с задачей не просто пропаганды ЗОЖ, а глубинной работы по расширению «горизонта жизненности» и чувства будущего у разных групп молодежи.

Саморелизационные диспозиции также расставляют особые акценты в matrimониальных типах молодежи.

Данные по самореализационным (самореализационным) стратегиям представляют собой концептуальный синтез и вершину всей системы жизненного планирования, аккумулируя и субординируя установки из других доменов (экономика, карьера, семья) в рамках единого экзистенциального проекта. Анализ этих стратегий позволяет выявить, каким образом различные матримониальные диспозиции структурируют понимание «подлинной жизни», призвания и конечных целей человеческого существования. Данные демонстрируют как парадоксальную общность, так и фундаментальные расхождения в интерпретации ключевых концептов самореализации. Первые три позиции («найти призвание», «дело жизни», «развить таланты»)

демонстрируют исключительно высокий и консолидированный уровень значимости для традиционного, либерального и эгоцентричного типов (значения от 64,6% до 75,6%). Это свидетельствует о полной интериоризации современной культурной парадигмы, требующей от индивида не просто функционирования, а обретения уникального предназначения и его реализации. Однако консенсус носит формальный характер, поскольку содержательное наполнение «призвания» радикально различается. Для традиционного типа его эпицентром является семья (67,5%), для либерального и эгоцентричного – профессиональная деятельность и творчество, что подтверждается структурой распределения ответов (Таблица 9).

Таблица 9

Обязательные жизненные планы самореализационных стратегий в зависимости от типа матримониальных диспозиций региональной молодежи

Table 9

Mandatory life plans of self-realization strategies depending on the type of matrimonial dispositions of regional youth

Жизненные планы в самореализационных стратегиях / Choices in self-realization strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Найти свое призвание в жизни / Find one's calling in life	75,6	73,7	73,5	54,9
Заниматься «делом своей жизни» / Do one's life's work	68,6	66,9	67	55,3
Открыть и развить в себе способности, таланты / Discover and develop one's abilities, talents	65	64,6	66	51,8
Прославиться, быть знаменитым и признанным / Become famous, be well-known and recognized	39,8	38,4	35,7	35,4
Достичь невероятных высот мастерства в чем-либо / Reach incredible heights of mastery in something	49,9	47,9	50,8	48,2
Реализоваться в творчестве, увлечении / Fulfill oneself in creativity, hobby	49,6	50,7	52,5	45,1
Реализоваться в профессиональной деятельности / Fulfill oneself in professional activity	62,6	59,3	64,7	47,8

Жизненные планы в самореализационных стратегиях / Choices in self-realization strategies	Традиционный тип / Traditional type	Либеральный тип / Liberal type	Эгоцентричный тип / Egocentric type	Неформальный тип / Informal type
Реализоваться в семье / Fulfill oneself in family-life	67,5	56,5	39,3	32,3

Для традиционного типа самореализация выступает как исполнение предустановленных социальных ролей. Данная группа демонстрирует максимальные значения по ключевым индикаторам экзистенциальной укорененности: «найти призвание» (75,6%), «реализоваться в семье» (67,5% – абсолютный максимум). При этом показатели, связанные с публичной славой (39,8%) и творчеством (49,6%), относительно ниже. Это формирует модель коммунитарной самореализации, где «дело жизни» понимается не как индивидуальный прорыв, а как успешное и осмысленное выполнение социально санкционированных ролей – супруга, родителя, кормильца. Высокий профессионализм (62,6%) важен как средство обеспечения этой семейной реализации. Самореализация здесь – это аутентичность в следовании традиционному пути, а не в его трансценденции.

Либеральный тип выбирает сбалансированный проект рефлексивной самоактуализации в плюралистичном мире. Профиль данной группы наиболее сбалансирован: высокие значения как по поиску призвания (73,7%) и профессиональной реализации (59,3%), так и по творчеству (50,7% – максимум среди типов). Семья как пространство самореализации значима, но не доминирует (56,5%). Это соответствует модели интегративной и плюралистичной самореализации, где индивид стремится к гармоничному сочетанию разных сфер (работа, творчество, отношения), каждая из которых вносит вклад в целостность личности. Самореализация понимается как непрерывный процесс осознанного выбора, развития и синтеза различных

аспектов идентичности. Низкий интерес к славе (38,4%) подчеркивает внутреннюю, а не внешнюю референцию успеха.

Эгоцентричный тип воспринимает самореализацию как нарциссический триумф и гипертрофированное профессионалистическое совершенство. Данная группа последовательно подтверждает свою ценностную доминанту: реализация в профессиональной деятельности является для нее приоритетной (64,7% – максимум), существенно превосходя показатель по семье (39,3% – минимум). При этом наблюдаются пиковые значения по стремлению к «невероятным высотам мастерства» (50,8%) и творчеству (52,5%). Это формирует портрет перфекционистской и имманентной самореализации, где мерилom успеха выступает не внешнее признание (слава – 35,7%, минимум), а внутреннее ощущение тотального владения мастерством и реализации личного потенциала. «Призвание» (73,5%) здесь – не служение, а способ максимизации самости. Это проект, сфокусированный на себе как на конечном продукте.

Неформальный тип отличается от других типов явным кризисом экзистенциальных ориентиров и маргинализацией поиска в самореализации. Наиболее яркой особенностью данной группы является системное и резкое снижение показателей по всем базовым параметрам самореализации. Это указывает на глубокий экзистенциальный кризис и девальвацию самих категорий, лежащих в основе проектного жизнестроительства современного общества. Отвергая ключевые социальные институты, неформальный тип утрачивает и точку

опоры для конвенционального понимания самореализации. Относительно более высокие значения (хотя и ниже, чем у других) у показателей выбора «высот мастерства» (48,2%) и «творчества» (45,1%) могут указывать на поиск альтернативных, возможно, эскапистских или контркультурных форм самовыражения, лишенных социального признания и институциональной рамки.

Стратегии самореализации региональной молодежи представляют собой конечный синтез их жизненных планов, обнажая фундаментальные антропологические различия, стоящие за сходными поведенческими показателями в отдельных сферах. Матримониальные диспозиции раскрываются здесь не просто как предпочтения в устройстве личной жизни, а как различные ответы на ключевой экзистенциальный вызов современности – как жить осмысленно. Традиционный тип находит смысл в верности и служении ближнему кругу. Либеральный тип конструирует смысл через рефлексивный выбор и синтез проектов. Эгоцентричный тип помещает смысл в безграничное саморазвитие и совершенство. Неформальный тип утрачивает доступ к общепринятым языкам смысла, оставаясь в экзистенциальном вакууме или в поиске радикально альтернативных форм.

Заключение (Conclusions).

Проведенный комплексный анализ жизненных стратегий региональной молодежи, структурированных по типам матримониальных диспозиций, позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, раскрывающих глубинные механизмы формирования социальных траекторий в условиях ценностной плюрализации.

Матримониальная диспозиция выступает системообразующим социокультурным кодом. Эмпирически подтверждено, что тип матримониальной диспозиции (традиционный, либеральный, эгоцентричный, неформальный) выступает не узкоспециализированной установкой на

брак и семью, а фундаментальным ценностно-нормативным фильтром, опосредующим конфигурацию жизненных стратегий во всех ключевых доменах: экономическом, профессиональном, политическом, общественном, миграционном, духовно-нравственном и самосохранительном. Это свидетельствует о том, что базовые антропологические представления о связи индивида с другими (от солидарности до радикального индивидуализма), заложенные в матримониальных установках, проецируются на отношение к социуму в целом, определяя модели адаптации и агентности.

Выявленные типы молодежи в отношении матримониальных диспозиций демонстрируют принципиально различные модели адаптации к условиям социальной неопределенности, имеющие неодинаковую эффективность с точки зрения решения общесистемных задач регионального и национального развития.

Так, традиционный тип (54,5%) реализует модель солидарного консерватизма и ответственной укорененности. Его стратегии характеризуются ориентацией на выполнение социальных обязательств (помощь родителям, забота о здоровье как долге); умеренными, но стабильными карьерными и экономическими амбициями, подчиненными задаче обеспечения семьи; низкой миграционной мобильностью и пассивно-лоялистской политической позицией; акцентом на межпоколенческую трансляцию ценностей и институциональные формы духовности. Эта модель обеспечивает демографическую и социальную стабильность, воспроизводство человеческого капитала на территории, снижает риски депопуляции и атомизации, формируя базу для простого воспроизводства населения.

Либеральный тип (33,6%) воплощает модель рефлексивного прагматизма и сбалансированной самоактуализации. Для него характерны: высокие показатели

финансовой и образовательной агентности, рациональное отношение к миграции как ресурсу развития; диверсифицированные карьерные стратегии; сдержанный, но наиболее высокий среди типов уровень гражданской активности (волонтерство, НКО). Данная модель является двигателем модернизации и экономической динамики, однако ее вклад в демографическое воспроизводство ограничен (факультативное отношение к многодетности).

Эгоцентричный (8,1%) и неформальный (3,8%) типы представляют модели гипериндивидуализма и альтернативной социальности (либо асоциальности). Их объединяет девальвация семейных императивов, свернутость горизонтов планирования, низкий уровень просоциальной активности. Ключевое различие: эгоцентричный тип фокусируется на карьерном триумфе как замещении семейного проекта, демонстрируя инструментальную экономическую рациональность; неформальный тип характеризуется генерализованным отчуждением от большинства социальных институтов, что проявляется в максимальной миграционной готовности, парадоксальных карьерных фантазиях (власть без карьеры) и кризисе экзистенциальных смыслов.

Сравнительная эффективность стратегий в контексте общественных и национальных задач показывает, что жизненные стратегии традиционного типа обладают системно более высокой конгруэнтностью приоритетам общественного воспроизводства, национальной безопасности и долгосрочного регионального развития. Это подтверждается следующими индикаторами: демографический императив (высокая обязательность брака и рождения детей формирует потенциал для естественного воспроизводства населения); территориальная устойчивость (минимальная миграционная готовность способствует закреплению человеческого

капитала в регионе); социальный капитал и солидарность (максимальные показатели установок на помощь родителям и умеренная просоциальность, сфокусированная на ближнем круге, поддерживают горизонтальные связи и снижают нагрузку на систему институционального ухода); здоровье нации (наиболее выраженные самосохранительные стратегии (ЗОЖ, долголетие) коррелируют с установкой на здоровье как ресурс выполнения семейных ролей, что соответствует задачам повышения качества человеческого потенциала); ценностная стабильность (ориентация на трансляцию традиционных духовно-нравственных норм (в т.ч. религиозных) и патерналистскую модель морали обеспечивает культурную преемственность).

В отличие от этого, стратегии либерального типа, будучи эффективными для личной самореализации и экономики знаний, создают риски отсроченной демографической нагрузки и условной лояльности территории. Стратегии эгоцентричного и, особенно, неформального типов несут прямые риски социальной эксклюзии, роста будущей нагрузки на системы социальной защиты (вследствие одинокой старости и отсутствия семейной поддержки) и утраты человеческого капитала (за счет эмиграционных настроений).

Исследования показали определенные риски для региональной политики, среди наиболее важных стоит отметить:

- ценностно-демографический раскол: поляризация между традиционным большинством и совокупным меньшинством (45,5%) с противоположными установками на семью чревата не только дефицитом рождений, но и ростом социальной напряженности вокруг конкурирующих нормативностей;

- кризис воспроизводства многодетности: маргинализация многодетности даже в традиционной среде закрепляет модель малодетности (1-2

ребенка) как новую социальную норму, что недостаточно для демографического баланса в долгосрочной перспективе;

- распад симметричного межпоколенческого контракта: готовность ухаживать за родителями при нежелании жить с собственными детьми в старости указывает на переход к асимметричной модели солидарности, увеличивающей индивидуальные риски и будущую нагрузку на государство;

- риски социальной эксклюзии и аномии: для эгоцентричного и неформального типов высока вероятность формирования траекторий одинокой, бездетной старости с повышенной зависимостью от институциональной поддержки, что требует заблаговременного развития соответствующих социальных сервисов и не-семейных форм общности.

При сохранении текущих трендов наиболее вероятно консервация выявленной типологии с доминированием традиционной модели, но в ее малодетной модернизированной версии, адаптированной к рыночным условиям. Либеральный тип будет усиливать свои позиции как агент гибких, мобильных траекторий.

Таким образом, матримониальная диспозиция выступает надежным предиктором не только частных, но и публичных жизненных стратегий. Стратегии традиционного типа, обладая наибольшей комплексностью и ориентацией на долгосрочные обязательства, демонстрируют максимальную эффективность и устойчивость с точки зрения решения стратегических задач общественного воспроизводства, территориальной целостности и сохранения социального капитала. Игнорирование этого факта в социальной и молодежной политике в пользу унифицированных подходов приведет к их низкой результативности для значительной части целевой группы и системным дисбалансам в региональном развитии. Будущее социально-

демографического ландшафта региона будет определяться способностью институтов артикулировать и интегрировать этот ценностный плюрализм в продуктивную, но иерархически выстроенную систему приоритетов, где поддержка традиционной семьи в ее современном виде должна оставаться наиважнейшей национальной задачей.

Список литературы

Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7. EDN: VXYIMU.

Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39. EDN: НТХQXM.

Вержибок Г. В. Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 75-95. EDN: YAJFSP.

Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40-55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN: BRHDYG.

Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.

Поленова М. Е., Лазуренко Н. В., Подпороина Н. Н., Королева К. Ю. Матримониальное поведение студенческой молодежи в контексте изучения социального здоровья (гендерный аспект) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 765-773. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773. EDN: VZYRHE.

Попова Л. А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях

усиления мер демографической политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 95-111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7. EDN: NBCSGD.

Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Благополучная молодая семья: поиск баланса между самореализацией и демографическими стратегиями // ЦИТИСЭ. 2022. № 3 (33). С. 203-214. DOI: 10.15350/2409-7616.2022.3.18. EDN: OFBJFK.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 67-80. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8. EDN: TMTYQC.

Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 121-129. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129. EDN: MIPPYF.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527-545. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545. EDN: MMCWJT.

Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31-42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3. EDN: IVVVAZ.

Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 109-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113. EDN: WKLLZX.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Муртузалиев С. И. Особенности брачных,

семейных и миграционных намерений современной молодежи российского кавказа // Социодинамика. 2018. № 11. С. 33-44. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.11.27735. EDN: SKZILR.

Шабунова А. А., Ростовская Т. К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 38-57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2. EDN: JJEDIR.

Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150-163. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.9. EDN: KVLEGK.

Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902-932. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932. EDN: SJMMSI.

Шаповалова И. С., Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика // Интеграция образования. 2025. Т. 29, № 4. С. 711-733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI.

Шаповалова И. С. KPI деятельности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 117-136. EDN: JOFNFR.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768-792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.

References

Blagorozheva, Zh. O. (2022), "Family strategies of regional youth", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (3), 91-102, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7, EDN: BXYIMU. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O., Shapovalova, I. S. (2024), "The influence of alternative values and attitudes on matrimonial strategies of young people", *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 23 (2), 30-39, DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39, EDN: HTXQXM. (In Russian)

Verzhibok, G. V. (2018), "Family values of student youth as a matrix for building the future", *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, 19 (3), 75-95, EDN: YAJFSP. (In Russian)

Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyryanova, O. B. (2024), "Matrimonial and reproductive attitudes of young people in the context of the security of a young family", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 40-55, DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3, EDN: BRHDYG. (In Russian)

Kisilenko, A. V., Shapovalova, I. S. (2023), "Designing a Life Path or How Young People See Their Future?", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 83-94, DOI: 10.31857/S013216250024385-6, EDN: ODCAGO. (In Russian)

Polenova, M. E., Lazurenko N. V., Podporinova, N. N., Koroleva, K. Yu. (2023), "Matrimonial behavior of student youth in the context of studying social health (gender aspect)", *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 31 (S1), 765-773, DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773, EDN: VZYRHE. (In Russian)

Popova, L. A. (2022), "Reproductive attitudes of young real generations in the context of strengthening demographic policy measures", *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, (2), 95-111, DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7, EDN: NBCSGD. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya N. A. (2022), "Prosperous young family: finding a balance between self-realization and demographic strategies", *CITISEH*, (3), 203-214, DOI: 10.15350/2409-7616.2022.3.18, EDN: OFBJFK. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva E. N. (2023), "Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (Based on the Results of an In-Depth Interview)", *Logos et Praxis*, 22 (2), 67-80, DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8, EDN: TMTYQC. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2021), "Reproductive Attitudes in Russian Society: According to the All-Russian Sociological Survey", *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 14 (2), 121-129, DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129, EDN: MIPPYF. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020), "Transformation of the Image of the Desired Family Model in Different Generations: Results of the All-Russian Sociological Survey", *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* 20 (3), 527-545, DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545, EDN: MMCWJT. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2023), "Marital and family ideas of student youth: based on the results of the author's study", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3), 31-42, DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3, EDN: IVVVAZ. (In Russian)

Semenova, K. R. (2022), "Marital and family behavior of young people in modern Russian society: attitudes and values", *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 12 (4), 109-113, DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113, EDN: WKLLZX. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Murtuzaliev, S. I. (2018), "Features of marriage, family and migration intentions of modern youth of the Russian Caucasus", *Sociodinamika*, (11), 33-44, DOI: 10.25136/2409-7144.2018.11.27735, EDN: SKZILR. (In Russian)

Shabunova, A. A., Rostovskaya T. K. (2020), "On the Need to Develop a Model of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 13 (4), 38-57, DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2, EDN: JJEDIR. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2023), "Self-assessment of financial situation and social strategies of young people", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 29 (3), 150-163, DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.9, EDN: KVLEGK. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2021), "Problems of implementation of state youth policy in the reflection of regional youth", *Regionologiya*, 29 (4), 902-932, DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932, EDN: SJMMSI. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Blagorozheva, Z. O. (2025), "Matrimonial Strategies of Regional Youth: Typology, Dispositions, Dynamics", *Integratsiya obrazovaniya*, 29 (40), 711-733, DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733, EDN: TWDSOI. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2025), “KPI of Regional Youth Policy Authorities in Social Strategies of Youth”, *Voprosy upravleniya*, 19 (2), 117-136, EDN: JOFNFR. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S. (2024), “Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth”, *Regionologiya*, 32 (4), 768-792, DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792, EDN: ZBBIWU. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 12 января 2026 г. Поступила после доработки 30 января 2026 г. Принята к печати 05 марта 2026 г. Received 12 January 2026. Revised 30 January 2026. Accepted 05 March 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Благорожева Жанна Олеговна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Zhanna O. Blagorozheva, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.